

УДК 008

О предпосылках становления музыкальной культуры в Забайкалье в связи с освоением Сибири

Цибудеева Надежда Циденовна

Кандидат искусствоведения,
доцент кафедры теории и истории музыки и общего фортепиано,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1;
e-mail: cebude@mail.ru

Аннотация

В статье говорится о предпосылках становления музыкальной культуры в Забайкалье усилиями нескольких волн пришлых. В XVI в. в отдаленную сибирскую глушь нехоженными тропами пробирались первопроходцы из казаков и служилых людей, отдельные отряды которых продвигались на Восток вместе с исполнителями на духовых и ударных инструментах. Появление этой категории музыкантов было инспирировано петровскими реформами, касавшимися разных сторон российской жизни и открытием учебных заведений с преподаванием первичных музыкальных знаний. По велению верховной власти страны в XVIII в. суровый край пришлось принудительно обживать семейским староверам, принесшим с собой православную культуру с обрядово-песенной атрибутикой и церковных молебствий в хоровом исполнении. В 1-ой половине XIX в. приграничный к Центральной Азии регион привлек внимание британских волонтеров, видевших своей миссией привитие аборигенам христианского протестантизма посредством богослужений и молитвенных песнопений. Их благие начинания продолжились подвижнической деятельностью политических ссыльных из отечественных и зарубежных дворян-революционеров (главным образом, польских и венгерских), которые благодаря высокому уровню гуманитарного образования, стали невольными проводниками культуры для местных жителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Цибудеева Н.Ц. О предпосылках становления музыкальной культуры в Забайкалье в связи с освоением Сибири // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 2А. С. 196-203.

Ключевые слова

Казаки-землепроходцы, служилые люди, семейские старообрядцы, декабристы, польские ссыльные, острог, школа кантонистов, английские миссионеры, духовный стих.

Введение

До прихода в XVI веке русских Забайкалье находилось в сфере влияния великой империи Чингисхана, представляющей для северного соседа угрозу нерегулируемыми боестолкновениями разрозненных группировок и целых родовых объединений. Так, в соперничестве русских атаманов и монгольских феодалов одни кочевые племена могли быть на одной стороне, другие – на противоположной.

Основная часть

Упорядочению межэтнических отношений способствовало планомерно-стихийное освоение Сибири в период царствования Ивана IV-го, когда дружина Ермака отправилась в 1563 году в боевой поход с целью завоевания громадных земель за Уралом.

«В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял западные владения, уступая их двадцати шести полумертвых ляхов и немцев, в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти и благородною любовью к славе приобрела новое царство для России, и после ликвидации Казанского ханства Сибирь вступила в вассальную зависимость от Москвы» [Карамзин, 1990, 246].

Расширение российских владений определялось экономическими потребностями страны, помимо создания зон безопасности. Присоединение Сибири и Забайкалья к Московскому государству диктовалось в данном случае их природными богатствами с пашенными угодьями и лесными просторами, полными пушнины, а также возможностью открывавшейся торговли с Востоком и добычей полезных ископаемых. Население новых территорий, свободное от крепостного права и зависимости от духовенства, помещиков и бояр, придерживалось вольницы: «до бога высоко, до царя далеко». Это давало людям творческую инициативу в хозяйствовании на своих территориях.

Освоение Сибири протекало довольно быстро. За короткий срок она покрылась сетью зимовьев и острогов, разросшихся затем до городов. В дальнейшем продвижении русские дошли до Байкала, а затем и до Приполярья и Приамурья.

Завоеванию Забайкалья сопутствовало внедрение на его пространствах российской административной системы управления с централизацией социально-экономических отношений. Что же касается состояния музыкальной культуры, то она представляла собой сосуществование церковной, фольклорной и отчасти военной музыкальных традиций, складывавшееся веками на какой-либо местности и характерных для феодальной, добуржуазной стадии общественного развития.

Пионерами освоения Забайкалья были казаки-землепроходцы и служилые люди. Их экспедиционные отряды продвигались на Восток вместе со знаменосцами и строевыми музыкантами из трубачей, литаврщиков, барабанщиков. Исполнители на духовых и ударных инструментах появились в частях благодаря созданию российской регулярной армии во 2-ой половине XVIII в. и учебных заведениях при них, в программу которых входили «барабанщичья музыка, игра на флейте и хоровое пение» [Роменская, 1992, 118].

Веления Петра I-го об организации вооруженных сил в рамках реформирования российского жизнеустройства учреждали во всех пехотных полках штаты военных оркестров в составе одного гобоиста (трубача) – иностранца (капельмейстера) и 8 гобоистов из русских [Кожевников, 1957, 62]. Поэтому в каждой роте, независимо от рода войск, полагалось иметь двух барабанщиков, а кавалерийский полк – литавриста. Кроме того, все военизированные

подразделения обязаны были обзавестись школами для обучения грамоте, арифметике, барабанному бою, игре на флейте, а также хоровому пению» [Роменская, 1992, 118].

С 1764 г. при воинских частях организуются гарнизонные школы для солдатских детей в детско-юношеском возрасте. Во 2-ой половине XVIII в. военные учебные заведения статуса «гарнизонных», «казачьих», «школ кантонистов» (от нем. «*Kantonist*» – новобранец), «военно-сибирских» открывались в Иркутске, Селенгинске, Красноярске, Енисейске и т.д. В 1800 г. войсковое начальство распорядилось об открытии в сибирских крепостях школ с контингентом учащихся не менее 10 человек в каждой [там же, 119].

К числу таких учебных заведений можно отнести Русско-монгольскую школу, открытую в Троицкосавске в 1833 году, которую окончил первый бурятский ученый Доржи Банзаров, поступивший в числе пяти сородичей в Казанскую гимназию с успешной защитой диссертации «Черная вера или шаманство у монголов» [История Бурят-Монгольской АССР, 1951, 352]. Группа же из 10 человек по обучению китайскому языку, набранная Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом), была преобразована в 1836 г. в Русско-китайское училище для подготовки писарей и урядников для казачьих полков и переводчиков для пограничного казачьего войска [Ким, 1990, 138].

Близость межгосударственной русско-монгольской границы в Кяхте/Троицкосавске обязывала к соблюдению сторонами протокольного этикета, когда встреча и проводы посланников доброй воли должны были обставляться бравурной музыкой, барабанным боем и громом пушек.

Ибо у азиатских правителей «музыка также была постоянной спутницей в ратных походах и в прославлении могущества их власти. Достоверный источник сообщал: «когда царь выступает в поход, за ним следует женский оркестр, состоящий из 17-18 красавиц, весьма искусных в игре. Они играют по большей части на 14-тиструнном инструменте (*yatage*)» [Демин, 2000, 12].

Инструментом подчинения новых земель к метрополии служила сеть острожных крепостей: первым в масштабах нынешней Республики Бурятия появился Баргузинский острог в 1648 г., затем Селенгинский в 1665 г. и Верхне/Удинский в 1666 г., которые охраняли население от кочевнических набегов. Будучи поначалу оборонительными сооружениями, они со временем окружались посадами с гражданскими зданиями, а также православными храмами и монастырями.

Таким образом, в 60-70 гг. XVII века в пределы Забайкалья проникла русская православная культура со своими святынями и предметами обихода. Богословской литературой снабжались приходы Спасо-Преображенского собора (1648) в Баргузине, Святотроицкого (1681) и Спасского (1784) в Селенгинске, Одигитриевского (1741) в Верхнеудинске, их службы сопровождалась молитвенными песнопениями. В 1763 г. митрополит Тобольский и Сибирский Павел Конюшкович (1705-70) издал указ обучать детей православному пению по нотам [Роменская, 1992, 64]. С того времени в Сибири начала создаваться сеть церковно-певческих школ, способствовавших богословскому просвещению и повышению значимости Русской православной церкви (РПЦ), включая Верхнеудинское и Троицкосавское духовные правления.

Монастыри и духовные миссии возглавляли на ту пору настоятели – выпускники Тобольской или Иркутской семинарий, обладавшие высоким духовным чином и опытом церковной службы. Каждый из клириков пополнял церковную библиотеку собственной христианской певческой литературой и кондакарями (нотными письмовниками) как с квадратными значками, так и с круглыми. Так, занимаясь религиозным просвещением своей

паствы и обучая ее богослужебному пению, игумен Селенгинского Святотроицкого монастыря архимандрит Иринарх пользовался «Азбукой знаменного пения» (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца 1668 г., 3-мя томами «Круга церковных песнопений», а также полным Синодальным обиходом [7, НАРБ, ф. 262, д. 463, л. 27, 28. об. 34].

Усилиями церкви и православных миссий крещенные буряты и тунгусы стали петь по православным книгам в приходских училищах, открытых на частные средства в острогах Селенгинска – 1816, Баргузина – 1844, Верхнеудинска – к середине столетия. К церковному православному «пению по нотам» приобщали бурят в других учебных заведениях. И было странно видеть на клиросе довольно стройный хор певчих с узкими глазенками и выдающимися скулами [Роменская, 1992, 46, 258].

С XVIII века в пестрой этнокультурной картине Забайкалья значительное место занимает семейский пласт из сосланных сюда русских старообрядцев – выходцев западных пределов страны (Волынской, Могилевской и Черниговской губерний), а также из Польши, Молдавии и Валахии (Румынии – Н.Ц.). Причиной такого отношения российской верховной власти к ним послужили непримиримые расхождения по верованиям, а также протест против обезличивания народа, которому насаждались иноземные атрибуты культуры в виде «немецких обычаев, латинских новин» и т.д.

Выход Манифеста Анны Иоанновны (1693-1740) «О возвращении беглецов из-за границы на прежнее жилище» от 2 августа 1734 г. вернул в Россию более 100 тысяч старообрядцев, переселив их на Алтай, в Приморье и Забайкалье. В 1765 г. первая партия «пасынков императрицы» явилась в Тарбагатай на территории нынешней РБ большой массой, целыми семьями, с полным хозяйством и со своей музыкально-песенной культурой [Чернев, 1988, 7, 19-20].

В целом образцы музыкально-песенного фольклора староверов несут печать архаизма, проявляющуюся: а) отсутствием жанровой дифференциации и перевесе подголосно-протяжных песен о горькой доле крестьян, согнанных с родных мест, о тяжелой жизни людей, попавших в неволю, о нерадостной женской судьбе; б) синкретизмом исполнения с триединством пения, музыки и пластики; в) предпочтением коллективного пения сольному в отсутствии персонафицированного героя/героини при хоровой трактовке. Массовость исполнения компенсировало у них отсутствие инструментального сопровождения.

И в то же время семейские/старообрядцы обучали детей псалмовой певческой грамоте. В их домашних школах молодежь слово в слово заучивала «Апостола», уразумевала святое писание, твердила псалмы и молитвы на клиросе [там же, 100]. А благочестивые дьячки распространяли духовные стихи и песни с религиозным содержанием, воспевающие силу и милость всемогущего Бога [Элиасов, 1989, 3-7]. Так десятилетиями древлесьяе укореняло в народе веру предков с сохранением прежних обрядов, старорусского уклада.

В 1-ой половине XIX века ареал Забайкалья попал в орбиту внимания британских миссионеров, которые на протяжении 40 лет (1818-61) делились своими знаниями и умениями с местной молодежью. В организованных ими двух училищах «на Селенге, за 6500 верст от С.-Петербурга» обучалось от 20-ти до 30-ти детей обоего пола [Демин, 2009, 134]. Старшие обучались Закону Божьему на монгольском языке (библейскую священную историю) с духовными песнопениями, а также арифметике и русской грамматике. Поутру ученики вместе с прислугой собирались на молитву и по ее прочтении присутствующие пели на монгольском *магталы* – хвалебные стихи во славу Бога [Тиваненко, 2009, 63]. Приобщение горсткой самоотверженных англичан общечеловеческим ценностям юных аборигенов служило

впоследствии способом их продвижения по социальной лестнице с достижением высот в различных видах духовной и общественной деятельности.

Яркой страницей общественно-политической и культурной жизни Забайкалья стала разносторонняя просветительская деятельность декабристов, освободившихся от наказания и ссыльных поляков и отчасти венгров. Согласно переписи на 500 жителей Баргузинского округа (исключая неправославных бурят и эвенков) приходилось 500 ссыльнопоселенцев и бывших каторжных [Тиваненко, 1993, 6]. Т.е. помимо укорененных автохтонов, край был убежищем лишь неблагонадежного для властей люда.

Известно, что многие из декабристов обладали музыкальными способностями и умениями. Их дворянское происхождение с воспитанием в колыбели русской культуры С.-Петербурге давало им возможность тесного соприкосновения с европейской музыкальной культурой. Неудивительно, что они владели игрой на фортепиано или струнных инструментах [Орлова, 1977, 193]. Их самоотверженные жены наряду с книжной литературой, выписывали из центра рояли и скрипки.

Осев на местах поселений, эти музыкальные инструменты были положены в основу развития музыкальных очагов Забайкалья. В Читинском и Петровском казематах бывшие узники организовали музыкальные школы для детей, а во время устраиваемых концертов у тюремных стен собирались толпы зевак. Освободившись от заточения, И.И. Горбачевский и семьи Бестужевых, Кюхельбекеров, Торсонов, Юшневских давали уроки музыки в домах состоятельного купечества.

Почти в тот же период за Байкалом отбывали трудовую повинность польские повстанцы, возглавляемые шляхтой – привилегированным сословием, выпускниками европейских университетов с преподаванием музыки и живописи. Варшавская консерватория, открытая в 1821 году, опередила на 40 лет первый российский музыкальный вуз (С.-Петербургскую консерваторию в 1962 г.) и воспитала огромное количество музыкантов мирового масштаба: композиторов, музыкантов и педагогов. Из числа поляков, сосланных в Сибирь в 1863-66 гг. – 18 623 человек, в 1879-85 гг. – ок. 100 000 [Кеннан, 1999, 197] и вышедших на волю, многие пользовались широким спросом у богачей, тянувшихся к свету знаний.

Преподавательской деятельностью занимались, к примеру, Константин Савичевский, Пшемислав Сливовский, Генрих Краевский, его жена Анна Краевская-Домашевская. Их в качестве гувернеров приглашали на домашний пансион для преподавания музыки детям чиновников и купцов. Из ссыльных же поляков формировались полковые оркестры.

Так, троицкосавским войсковым казачьим оркестром из 9-ти инструментов: две скрипки, виолончель, контрабас, флейта, кларнет, фагот, труба, валторна руководил капельмейстер Гжегож Козяркевич. С ним он участвовал в официальных торжественных мероприятиях, обслуживал светские и религиозные праздники, семейные и свадебные гуляния [Гапоненко, 2006, 143-147].

За десятилетия пребывания в Забайкалье многие из ссыльных пустили здесь корни и прикипели ко второй родине, обретя под собой почву. «Тайный узник Сибири» – мадьярский поэт-революционер Шандор Петефи обладал актерскими и режиссерскими дарованиями, помимо стихотворного таланта и устраивал для баргузинцев театрализованные представления [Тиваненко, 1993, 14].

Таким образом, на рубеже XIX–XX столетий в Забайкалье стали формироваться культурные гнезда: Кяхта/Троицкосавск, Верхнеудинск, Баргузин. К концу XIX в. здесь действовали музыкальные салоны, литературно-музыкальные кружки. Концертные залы общественных

собраний и купеческих залов (клубов) принимали крупных мастеров театрально-музыкальной сцены. У обитателей «диких степей» стали появляться исконно русские музыкальные инструменты: балалайки, колокола, барабаны, деревянные флейты, сиповки, гусли и скрипки. Через иркутское отделение Императорского русского музыкального общества (ИРМО), открытого в 80-е годы XIX в., состоятельные люди стали приобретать клавирины, фисгармонии, пианино и рояли.

Заключение

Как показала жизнь, политические ссыльные и декабристы, приобщенные к европейской духовной культуре, своей разносторонней деятельностью осуществляли высокую цивилизаторскую миссию. Благодаря этому в Забайкалье стали сосредотачиваться книжные собрания, способствовавшие росту грамотности местных жителей, увеличению количества читателей с расширением их кругозора. Можно даже полагать, что культурный уровень интеллигента-забайкальца, примыкавшего к декабристским кругам, значительно превосходил своих современников-обывателей в других местах.

Библиография

1. Гапоненко В.В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в 1-ой половине XIX века. Улан-Удэ, 2006. 239 с.
2. Демин Э.В. Золотая россыпь Селенгинска. Кн. I. Историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ, 2009. 320 с.
3. Демин А.Г. Музыкальный инструментарий монголов в эпоху великой империи (XIII-XIV вв.). Улан-Удэ, 2000. 45 с.
4. История Бурят-Монгольской АССР в 2 т. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. Т. 1. 574 с.
5. Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М.: Просвещение, 1990. 384 с.
6. Кеннан Д. Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885-1886): в 2 т. СПб., 1999.
7. Ким Н.В. Из культурного прошлого Кяхты // Байкал. 1990. № 4. С. 137-144.
8. Кожевников Б.Т. Материалы по истории русской военной музыки в XVIII веке // Труды военно-дирижерского факультета при Московской государственной консерватории. 1957. Вып. 4. С. 161-191.
9. НАРБ, ф. 262, д. 463, л. 27, 28. об. 34.
10. Орлова Е.М. Лекции по истории русской музыки. М.: Музыка, 1977. 383 с.
11. Роменская Т.А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1961 года. Томск, 1992. 415 с.
12. Тиваненко А.В. История английской духовной миссии в Забайкалье. Улан-Удэ: Христианская Пресвитерианская церковь, 2009. 128 с.
13. Тиваненко А.В. Тайный узник Сибири. Улан-Удэ, 1993. 186 с.
14. Чернев И. Семейщина. Улан-Удэ, 1988. С. 100.
15. Элиасов Л.Е. О семейских и их песнях // Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. М., 1989. С. 3-7.

On preconditions for the formation of musical culture in Transbaikalia in connection with the development of Siberia

Nadezhda Ts. Tsibudeeva

PhD in Culture Studies,
East-Siberian State Institute of Culture,
670031, 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: cebude@mail.ru

Abstract

The article talks about the prerequisites for the development of musical culture in Transbaikalia through the efforts of several alien waves. In the XVI century the trailblazers from the Cossacks and servicemen made their way along the remote Siberian wilderness with untrodden trails, separate detachments of which advanced to the East along with performers on wind and percussion instruments. The emergence of this category of musicians was inspired by Peter the Great's reforms concerning various aspects of Russian life and the opening of educational institutions with the teaching of primary musical knowledge. At the behest of the country's supreme authority in the XVIII century the severe edge had to be compulsorily arranging family Old Believers, brought with them an Orthodox culture with ritual and song attributes and church prayers in choral performance. In the first half of the XIX century the region bordering Central Asia attracted the attention of British volunteers, who saw their mission in inculcating the Christian Protestantism through the services of the aborigines through prayer services and prayer songs. Their good undertakings were continued by the selfless activity of political exiles from domestic and foreign noblemen-revolutionaries (mainly Polish and Hungarian) who, thanks to the high level of humanitarian education, became involuntary conductors of culture for local residents.

For citation

Tsibudeeva N.Ts. (2018) O predposylkakh stanovleniya muzykal'noi kul'tury v Zabaikal'e v svyazi s osvoeniem Sibiri [On preconditions for the formation of musical culture in Transbaikalia in connection with the development of Siberia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), pp. 196-203.

Keywords

Cossacks, explorers, servicemen, family Old Believers, Decembrists, Polish exiles, prison, school of cantonists, English missionaries, spiritual verse.

References

1. Chernev I. (1987) *Semeishchina*. Ulan-Ude.
2. Demin E.V. (2009) *Zolotaya rossyp' Selenginska. Kn. I. Istoriko-kraevedcheskie ocherki* [The gold placer of Selenginsk. Book. I. Historical and ethnographic studies]. Ulan-Ude.
3. Demin A.G. (2000) *Muzykal'nyi instrumentarii mongolov v epokhu velikoi imperii (XIII-XIV vv.)* [Musical instrumentation of the Mongols in the era of the great empire (XIII-XIV centuries.)]. Ulan-Ude.
4. Eliasov L.E. (1989) O semeiskikh i ikh pesnyakh [About family and their songs]. In: *Russkie narodnye pesni Zabaikal'ya. Semeiskii raspev* [Russian folk songs of Transbaikalia. The Family Chant]. Moscow.
5. Gaponenko V.V. (2006) *Pol'skie politicheskie ssyl'nye v khozyaistvennoi i kul'turnoi zhizni Zabaikal'ya v 1-oi polovine XIX veka* [Polish political exiles in the economic and cultural life of Transbaikalia in the first half of the XIX century.]. Ulan-Ude.
6. (1951) *Istoriya Buryat-Mongol'skoi ASSR v 2 t.* [History of the Buryat-Mongolian ASSR in 2 vols.]. Ulan-Ude: Burmongiz Publ. Vol. 1.
7. Karamzin N.M. (1990) *Ob istorii gosudarstva Rossiiskogo* [On the history of the Russian state]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
8. Kennan D. (1999) *Sibir' i ssylka: putevye zametki (1885-1886): v 2 t.* [Siberia and the link: travel notes (1885-1886): in 2 vols.]. St. Petersburg.
9. Kim N.V. (1990) Iz kul'turnogo proshlogo Kyakhty [From the cultural past of Kyakhta]. *Baikal*, 4, pp. 137-144.
10. Kozhevnikov B.T. (1957) Materialy po istorii russkoi voennoi muzyki v XVIII veke [Materials on the history of Russian military music in the XVIII century]. *Trudy voenno-dirizherskogo fakul'teta pri Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii* [Proceedings of the military-conductor faculty at the Moscow State Conservatory], 4, pp. 161-191.
11. *NARB, f. 262, d. 463, l. 27, 28. ob. 34.*
12. Orlova E.M. (1977) *Lektsii po istorii russkoi muzyki* [Lectures on the history of Russian music]. Moscow: Muzyka Publ.

-
13. Romenskaya T.A. (1992) *Istoriya muzykal'noi kul'tury Sibiri ot pokhodov Ermaka do krest'yanskoi reformy 1961 goda* [The history of the musical culture of Siberia from the campaigns of Ermak to the peasant reform of 1961]. Tomsk.
 14. Tivanenko A.V. (2009) *Istoriya angliiskoi dukhovnoi missii v Zabaikal'e* [The history of the English spiritual mission in Transbaikalia]. Ulan-Ude: Khristianskaya Presviterianskaya tserkov' Publ.
 15. Tivanenko A.V. (1993) *Tainyi uznik Sibiri* [The secret prisoner of Siberia]. Ulan-Ude.